

Станция «Звездная»

Автор:

Мария Воронова

Станция «Звездная»

Мария Владимировна Воронова

Судьба не по рецепту. Романы М. Вороновой

Вот так начиналась карьера легендарного врача Яна Колдунова... Талантливый молодой хирург, только что вернувшийся из Афганистана, мечтает много работать и иметь настоящую семью, где его бы любили и ждали. Он нравится девушкам, отвечает взаимностью, но уверен, что свою истинную любовь он узнает сразу. Дочь его начальника, красавица Соня, мечтает устроить его встречу с родителями. Но мысль стать зятем профессора и всю жизнь находиться в тени царственного тестя пугает его. Понимая, что губит свою карьеру, Колдунов отказывает Соне. И судьба тут же сводит его с милой библиотекаршей. Вот она – настоящая любовь! Вот уже и заявление в ЗАГС подано, и родители благословили Яна и принарядили к свадьбе. Но тут судьба делает настолько неожиданный зигзаг, что... Что Яну Колдунову остаётся только одно – заниматься хирургией и только хирургией, а о личном счастье забыть...

Мария Воронова

Станция «Звездная»

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Roman Samborskyi, LightField Studios, dimbar76, O.V.D. / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© М.В. Виноградова, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Дорогие читатели! Хочу вам признаться, что мой любимый персонаж – доктор Ян Александрович Колдунов. Впервые он появляется в книге «Повод для знакомства» разочарованным сорокалетним циником, опытным хирургом с разрушенной карьерой, несложившейся личной жизнью и проблемами с алкоголем. У него осталось только одно положительное качество – он любит свою работу и спешит на помощь людям, и это помогает ему удержаться, а затем и выправиться, сделать шаг навстречу своей любви.

Сейчас мне хотелось бы рассказать о его молодых годах, о том, что с ним происходило сразу после окончания Военно-медицинской академии.

Ваша Мария Воронова

Глава первая

После возвращения в Ленинград Ян Колдунов поселился возле станции метро «Звездная». Теперь, чтобы попасть на службу, приходилось кататься в метро, а не просто перебегать через двор, как в былые годы, и случались дни, когда над районом висел густой тоскливый запах жженных костей с мясокомбината, но Ян все равно не жалел, что отказался от казарменной жизни, надоевшей ему за

шесть с половиной лет.

Впрочем, эту квартирку в унылой пятиэтажке, похожей на коробку из-под обуви, смело можно было считать если не филиалом, то метастазом общаги Военно-медицинской академии. Пожилой ипохондрик Михаил Яковлевич сдавал курсантам свою трехкомнатную распашонку очень недорого, зато всегда имел доступ к первоклассному медицинскому обслуживанию. В одной маленькой комнатке жили Ян с второкурсником Васей Лазаревым, напротив обитал гигант Витя Зейда с молодой женой Яной, а проходная считалась общей, там ужинали и смотрели телевизор.

Витя с женой, которой Колдунов симпатизировал, как тезке, жили дружно, но странно. То уезжали к родителям Яны с твердым намерением остаться там навсегда, но через пару недель Зейда привозил заплаканную супругу обратно. Женское присутствие смягчало суровый спартанский быт молодых воинов, но стоило привыкнуть не разбрасывать носки и не материться, как Яна начинала тосковать по родителям, и чета отбывала в фамильный замок, а в комнату, чтобы не простаивала зря, поселялся Дима Лившиц – длинный, «узкий» и мечтательный пятикурсник. Первое время он по возвращении хозяев безропотно исчезал обратно в общагу, а теперь, чтобы лишний раз не гонять туда-сюда, пережидал рецидив в общей комнате на диване.

Такой кочевой жизни оставалось максимум пара месяцев, ибо в январе ожидалось появление на свет Зейды-младшего. Супруги колебались, где же им все-таки бросить якорь, а Ян вдруг понял, что перспектива делить кров с младенцем не пугает его так, как должна бы.

Да, крики, да, пеленки, да, никаких гостей и пьянок, но после шести лет скитаний начинает казаться, что семейный уют – стоящая штука, ради которой можно потерпеть. Больше того, голову начали посещать мысли, что пора бы не греться у чужого семейного очага, а зажечь свой собственный. Только трудно найти подходящую невесту, когда все силы посвящаешь работе...

Именно об этом размышлял Ян, глядя в черное декабрьское окно, в котором, как в зеркале, отражались белые шкафчики крохотной кухни, его собственная унылая физиономия и крепенький бодрый Вася с расписным чайником в руках. В отражении казалось, что жар-птица на круглом фарфоровом боку трепещет, готовясь полететь.

- Что там наши рекуррентные, не знаешь? - спросил Ян. - Определелись?

- Витька вчера приходил, черепил, куда в случае чего кроватку ставить.

- Ясно, - кивнул Ян, с восторгом наблюдая, как Вася укрывает фарфоровый чайник полотенчиком.

Эта церемония была для него в новинку. Дома у родителей стоял на подоконнике белый чайник с сиротской незабудкой на боку, неиссякаемый источник заварки. Если не удавалось вытрясти ни одной капли, в чайник просто доливали кипятку раз за разом, пока из чуть сколотого носика не начинало вытекать что-то совсем бесцветное. Тогда папа гордо заявлял «свежака заварю!» и удалялся в туалет вытряхивать чайники.

Покинув родительский дом, Ян перешел на пакетики, какие дают в поездах. Чай из них сильно отдавал бумагой, но Яну было в принципе без разницы, горячий да и ладно.

Вася Лазарев же подходил к делу основательно, как японская гейша. Тщательно мыл чайник, ошпаривал его кипятком, а заварку не сыпал на глазок прямо из пачки, как любой нормальный человек, а отмерял по правилу - одна ложка на человека и одна на чайник. Залив кипятком, ждал ровно пять минут, пока настоится. Раньше у них была баба на чайник, но Дима Лившиц по пьяни сжег ей подол, и теперь Вася поневоле обходился полотенцем. Вася и наполнил кружку Яна, жеманно придерживая крышечку чайника средним пальцем.

Ян положил себе две ложки сахара, энергично размешал и пригубил. Чай был ровно такой, как надо, горячий, но не обжигающий, темный, терпкий и пах летом. Божественный напиток, но Колдунов знал, что сам себе такой заваривать не будет. За шесть лет учебы в академии и за полгода командировки в Афган он совсем отвык от уютных домашних радостей.

- Надо будет скинуться им на рождение ребенка, так что ты всю стипендию не пропивай, - сказал Вася.

- Само собой.

Послышался стук входной двери, и на пороге показался Лившиц.

- Ховайся, пацаны, - меланхолично произнес он, - к нам едет батя Зейды.

- С Зейдой?

Лившиц кивнул.

- Я понял, - Вася стремительно вскочил из-за стола и скрылся в комнате.

Ян нахмурился:

- Что такое?

Дима с самым загадочным видом посмотрел в потолок и ничего не сказал.

Не прошло и минуты, как Вася выскочил из комнаты в джинсах, лет пять назад пошитых в каком-нибудь подпольном цехе славного города Владивостока, и, обуваясь, спросил:

- Яныч, идешь?

- Да в чем дело? - Колдунов никак не мог понять, в чем дело. - Зачем уходить? Я его как-то видел, вроде милейший дядечка.

- Ну да, мировой мужик, но ровно до тех пор, пока ты не откажешься с ним пить. Тогда это страшный человек, - Вася быстро застегнул «молнию», выпучил глаза и повторил: - Страшный!

- Да?

- Пока не напоит, не отстанет. Короче, если хочешь очнуться через неделю в незнакомом тебе месте, оставайся, а я пошел.

- Нет, погоди, - Ян поднялся, - Дим, ты с нами?

– А я, пожалуй, останусь, – Лившиц томно потянулся и снял шинель.

Надев ботинки, Ян сдернул с вешалки куртку и побежал вслед за Васей.

На улице было темно, серо и промозгло, словом, обычно для любого времени года в Ленинграде, не исключая лето. В глубоких черных лужах отражались городские огни, на газонах подмерзала раскисшая земля с островками ржавой пожухлой травы и горками сгнивших листьев, редкие снежинки оседали на этот мрачный пейзаж и медленно таяли, искрясь в свете фонарей. Похоже было на хлеб с горчицей, чуть присыпанный солью, и Яну захотелось есть.

– Ну что, в Яму? – сказал Вася, поправляя свою меховую шапку невыразимо желтого цвета.

Колдунов был убежден, что знаменитая Васина шапка в точности воспроизводила масть буланого конька, на котором Д'Артаньян прибыл покорять Париж, да и сам Вася, под стать юному гасконцу, был сметлив, отважен и горяч, хотя уже не так юн. Его путь в науку оказался извилист и тернист, так что, будучи ровесником Колдунова, он учился только на втором курсе. После медучилища Лазарева призвали в армию, он служил фельдшером на подводной лодке, где и зародилась его дружба с Витей Зейдой, потом остался сверхсрочником и так бы, наверное, и служил до пенсии, но на лодке произошла авария, во время которой Вася действовал смело и решительно. Его хотели наградить орденом, но быстро передумали, потому что хоть Вася герой, но лодка затонула из-за разгильдяйства экипажа, а подводная лодка – оружие коллективное, так что нечего тут. Все виноваты. С другой стороны, все-таки Василий Лазарев спас людей, поэтому ладно уж, пусть едет учиться на доктора. Вася получил направление в ВМА, поступил и радовался жизни, но иногда Ян, помогая товарищу в учебе, вздыхал и думал, что, если бы Васе все-таки дали орден, так было бы лучше для всех.

На Чернышевской фонари горели ярче, отчего казалось не так промозгло. В воздухе носился упоительный аромат из пирожковой «Колобок», и Яну захотелось свернуть туда, но Вася решительно повел его по улице Салтыкова-Щедрина к Дому офицеров, именуемому для краткости Ямой.

Вася мчался впереди, предвкушая легкую добычу, а Ян покорно следовал за ним. Он не любил знакомиться в Доме офицеров, зная, что подходящую ему девушку

туда может занести только чудом, но темным слякотным вечером очень грустно бродить в одиночестве по улицам...

Сидеть дома и продолжить знакомство с папой Зейды тоже был не вариант. Колдунова серьезно напугали Васины рассказы про неистовое хлебосолюство Витиного отца, когда все начинается со слов «хлопчики, да вы только попробуйте», а кончается римской оргией, о которой к тому же наутро никто ничего не помнит. Нет, Ян со слишком большим трудом попал на кафедру, чтобы портить себе перспективы клеймом алкаша. Далеко не все сотрудники в восторге от его назначения, так что достаточно разок прийти на работу с похмелья или просто с перегаром, и поползет слухок, что Колдунов регулярно поддает.

Нет, надо изо всех сил держать себя в руках, чтобы не профукать шанс, выпавший ему в результате уникального стечения обстоятельств. Во время учебы в академии Ян честно зарабатывал себе место на кафедре дежурствами и научной работой, но оказался недостаточно блатным и загремел в Афганистан. Там удачно прооперировал одного генерала, а тот, решив, что лейтенант Колдунов спас его от неминуемой гибели, сделал несколько звонков, и по окончании командировки Ян отправился не в распоряжение части, а на родную кафедру. Приняли блудного сына без особого восторга, но в целом тепло, разве что с бывшим наставником доцентом Князевым ощущалась некоторая неловкость. Князев считал, что Ян имеет право на него обижаться за то, что он не отстаивал кандидатуру своего ученика, поэтому на всякий случай обижался сам – вполне понятная слабость. Однако научное руководство над Яном он принял, оперировать давал больше, чем раньше, а Яну ничего другого и не требовалось. В сущности, он вернулся к тому, от чего уехал, поэтому порой командировка в Афганистан казалась сном, каким-то мыльным пузырем его реальности, который то ли улетел, то ли лопнул, то ли его никогда и не было.

Никуда Ян Колдунов не уезжал из-под этих низких серых туч, пушистых, как бабушкин платок...

Внезапно Вася остановился как вкопанный, так что задумавшийся Ян чуть не налетел на него.

– Ты чего?

Вася взглянул ошалелыми глазами:

- Слушай, Яныч, иди один. А мне надо... Ну все, пока!

Не утруждая себя дальнейшими объяснениями, Вася развернулся и побежал обратно к метро.

Проследив за ним взглядом, Ян увидел, что Вася догоняет девушку в куртке с капюшоном, которая секунду назад прошла мимо них. Обычная девчонка, ничего такого, разве что походка хороша, легкая, летящая.

Обладая совершенно заурядной внешностью, коренастенький Вася тем не менее умел произвести впечатление на дам и сейчас, кажется, не был грубо послан, потому что зашагал вместе с девушкой к метро, ни разу не обернувшись посмотреть на покинутого товарища.

- Командир, брось меня, - усмехнулся Ян ему вслед, зашел под высокую сводчатую арку с гигантским фонарем, который, зловеще поскрипывая, качался на ветру, но не горел, прикурил сигарету и задумался, что делать дальше. Идти в Дом офицеров и с Васей-то было глупо, а одному вообще идиотизм. Гулять в декабрьской тьме в принципе достойное занятие, но, когда в чужих окнах мерцает чужой уют, и отблески его падают на твою неприкаянную физиономию, становится не то чтобы совсем тоскливо, но сильно хочется под теплый плед к теплой и ласковой девушке, а нет у тебя ни того, ни другого.

Через два дома расположен кинотеатр «Спартак», там показывают старые фильмы, почти всегда хорошие, но идти в кино одному еще хуже, чем бродить по улицам.

На улице можно притвориться, что ты куда-то идешь, у тебя есть цель, а в киношке всякий видит, что ты один и не знаешь, чем заняться.

Домой вообще не вариант - там праздник в самом разгаре, Витин папа нальет ему штрафную, и один бог знает, чем это кончится.

У Яна было несколько знакомых девушек, с которыми он расстался, но телефоны еще помнил, и знал, что они будут рады, если он позвонит, но грусть терзала его

не настолько сильно, чтобы реанимировать скучные отношения. На всякий случай он еще раз перебрал их в памяти, вздохнул, докурил и поехал в клинику, зная, что там всегда рады лишней паре рук.

Только если день не задался с утра, то вечер мало что меняет. Открыв дверь в ординаторскую и увидев за столом ответственного дежурного хирурга, Колдунов хотел ретироваться, но не успел.

– А, Ян Александрович, милости просим, – дружелюбно сказал профессор Бахтияров.

Пришлось войти и поздороваться.

– Это очень хорошо, что вы пришли, у меня как раз есть для вас одно важное задание.

– Да? Спасибо, Сергей Васильевич!

– О, не благодарите!

Бахтияров поправил круглые очки, подчеркивающие аристократическую утонченность его черт, лучезарно улыбнулся и поднялся из-за стола.

Ян приосанился, решив, что сейчас его позовут ассистировать, а это он, слава богу, умеет делать, как никто другой. Наконец Бахтияров убедится, что Колдунова не зря взяли в аспирантуру сверх плана и посреди учебного года.

Сергей Васильевич Бахтияров был первым и единственным снобом, встреченным Яном на жизненном пути. Он действительно происходил из древнего дворянского рода, ненавязчиво кичился этим и в целом вел себя так, будто Октябрьская революция произошла не семьдесят лет назад, а вчера, и удержатся ли эти разнузданные хамы у власти, еще большой вопрос. Естественно, он был членом КПСС, и, наверное, в целом разделял идеи марксизма-ленинизма, но считал, что лучше бы пролетарии всех стран объединялись где-нибудь у себя в подвале, а руководить собой предоставили людям благородного происхождения.

В принципе, Колдунову не было дела до чужих заблуждений, но Бахтияров, не произнеся ни одного худого слова, прекрасно умел показать, кто тут хозяин, а кто жалкий лакей, с поклоном выпрашивающий пяточок на водку, и свои криогенные улыбочки он расточал не только аспирантам, но даже и Князеву, который, несмотря на звучную фамилию, благородством происхождения похвастаться не мог. Возможно, между учеными мужами за годы совместной работы накопились какие-то более серьезные разногласия, чем сословные предрассудки, Ян не вникал, важно другое. Как ученик Князева, он тоже обязан презирать спесивого профессора. Но не успел Ян задуматься о том, не будет ли предательством Князева, если он пойдет оперировать с Бахтияровым, как Сергей Васильевич протянул ему толстую пачку историй болезни.

- Ваши пациенты, если не ошибаюсь?

Ян быстро просмотрел фамилии и кивнул.

- Что ж, Ян Александрович, - подчеркнуто любезно проговорил Бахтияров, - будьте любезны переделать выписные эпикризы. Это прекрасно, что вы зашли сейчас, потому что служебные часы существуют для того, чтобы выполнять свои обязанности, а ошибки следует исправлять в свободное время, не так ли?

- А что не так? - возмутился Ян.

Бахтияров покачал головой и вздохнул, будто увидел перед собой неоперабельную опухоль:

- Ян Александрович, позволю себе напомнить, что вы поступили в аспирантуру, а это значит, что родина сочла вас способным к самостоятельной научной работе, и кто я такой, чтобы спорить с нею, - Бахтияров развел руками, - ну а коли вы достаточно умны, чтобы проводить серьезные исследования, то ошибку в банальном эпикризе уж точно способны заметить и исправить. Я тороплюсь в операционную, а вы, пожалуйста, располагайтесь и работайте. И будьте добры, пишите так, чтобы для прочтения не пришлось вызывать бригаду криптографов.

- У меня просто рука не успевает за мыслью, - буркнул Ян, садясь за письменный стол и открывая первую «историю».

Бахтияров одарил его своей фирменной улыбкой:

– Если не получается писать быстрее, думайте помедленнее. Иногда это бывает полезно.

Дав сей мудрый совет, профессор удалился.

Ян понимал, что все это делается с одной целью – унижить Князева, показав, что он набрал себе в ученики придурков, которые даже «историю» оформить не в состоянии, а лезут со свиным рылом в калашный ряд. Дали быдлу волю, и пожалуйста, наслаждайтесь плодами вседозволенности. Одного пустили из милости, и вот он уже за собой тащит не пойми кого, отпихивая достойных ребят из хороших семей. А где традиции, где преемственность поколений?

Ян еще немножко позлобствовал, но, читая эпикризы, к своей досаде, вынужден был признать, что дело не в одном только снобизме. Он и вправду не слишком любил писанину, старался скорее с ней разделаться и бежать в операционную, поэтому придраться в его эпикризах было к чему. Именно придраться, то есть обратить внимание на недочет, а не заставить переписывать.

Но с профессором спорить бесполезно, и Ян принялся за дело, надеясь только, что исправляет именно те мелкие грешки, которые имел в виду Бахтияров. Работа спорилась, но последняя «история болезни» поставила его в тупик. Колдунов прочитал эпикриз от начала до конца, потом от конца до начала, повернул «историю» на девяносто градусов и, наконец, посмотрел на просвет, как рентгеновский снимок, но не обнаружил ни малейшего изъяна. Флегмонозный аппендицит у солдата-срочника, тут захочешь, а не напутаешь.

Ян энергично потрянул головой и снова прочитал текст. Нет, все ключевые моменты указаны: когда поступил, через сколько часов от начала заболевания, когда прооперирован, и название операции тоже есть, и что из медикаментов получал, и результаты анализов. Дежурная фраза «послеоперационный период без осложнений, заживление раны первичным натяжением, швы сняты на восьмые сутки» тоже присутствует, она вписывается уже на автомате. Что не так-то, в самом деле?

Тут его размышления были прерваны стуком в полуоткрытую дверь, и на пороге показалась Соня Бахтиярова, дочка Сергея Васильевича.

Ян вскочил. Соня нравилась ему очень сильно.

– А папа где? – не дождавшись ответа, девушка зашла за шкаф, где у них был чайный закуток, и стала деловито расставлять на столе какие-то коробочки. – Я ему ужин принесла.

– В операционной.

– Надолго?

Ян пожал плечами.

– Ладно, придет, сам поест, не маленький, – Соня сложила пустой пакет в аккуратный квадрат и убрала в сумочку, – Ян, покурим?

– Давай.

Соня без спроса открыла форточку и легко вспрыгнула на подоконник. Ян встал рядом и, немного конфузясь, протянул ей свой пролетарский «Ту-134», но Соня без всяких ужимок вытащила сигаретку из мятой пачки.

Она была похожа на отца, с такими же тонкими чертами, высокая, стройная, длинноногая. Мать Яна называла девушек с такими фигурками «прогонистая», Яну не нравился этот эпитет, но Соне он подходил как нельзя лучше.

Соня улыбалась каким-то своим мыслям и качала длинной стройной ногой с узкой щиколоткой. Ян улыбался просто от удовольствия смотреть на нее. Сквозь табачный дымок Соня пахла весенними цветочными духами и булочками.

За окном вдруг пошел снег, крупные тяжелые снежинки медленно падали на деревья, карнизы и чугунную ограду, превращая унылую клинику в сказочный уголок, где может произойти не чудо, конечно, но что-то очень хорошее, а в ординаторской тепло, и, если напрячь воображение, то мигающие лампы дневного света сойдут за мерцание огня в камине, и так, наверное, выглядит мир за секунду до счастья.

Ян потряс головой и быстро протянул Соне спорную «историю»:

– Глянь свежим глазом, что не так? Вроде бы классика советской аппендицитологии.

Поддаваться настроению волшебства он не хотел.

Соня нахмурилась, разбирая его каракули:

– Вроде все верно, но я рентгенолог, а не хирург.

Ян уже открыл рот, чтобы высказаться насчет баранов, которые сами не знают, чего хотят, но вспомнил, что Бахтияров ее отец, и только плечами пожал.

– Это тебе папа сказал переделать?

– Ну да.

– А, тогда все просто. Видишь, помарки у тебя. Тут зачеркнуто, тут исправлено. Просто набело перепиши, и все.

– Я что, первоклассник?

– Ты просто папу не знаешь. Это его любимая тема, – Соня засмеялась и заговорила басовито, как бы от имени отца, – Софья, природа неравномерно распределяет свои дары, и я не могу ругать тебя за то, что тебе не досталось, например, музыкального слуха, но запомни, что способности к трудолюбию, аккуратности и дисциплине есть абсолютно у каждого человеческого существа.

– Кто я такой, чтобы с этим спорить?

– Вот именно. И поверь, проще за пять минут переписать, чем три часа слушать его занудство, что да, суров, но справедлив, и только ради твоей же пользы. Он делает из тебя человека, а ты не ценишь.

– Честно говоря, не ценю, – вздохнул Ян и полез в шкаф за чистым листом бумаги.

– А он только ради тебя старается, – Соня лукаво улыбнулась, – ну еще чуть-чуть ради дяди Вали, но только самую капельку.

– Я думал, он выше этого.

– Ну знаешь, – усмехнулась Соня, – когда тебя по носу щелкает какой-то молодой выскочка, никто не может быть выше этого.

– Это да...

Соня прыгнула с подоконника:

– Ну все, побегу. Если увидишь папу, передай привет.

Ян еще немного постоял у окна, посмотрел, как Соня выходит из дверей клиники и, оскальзываясь на узкой тропинке, осторожно идет к своей вишневой «восьмерке». Снежинки ложились на ее волнистые каштановые волосы, на плечи серого полушубка, придавая ей немножко сказочный вид. Открыв дверцу машины, она обернулась, посмотрела на окно, где стоял Колдунов, с улицы похожий, наверное, на старинный портрет. Ян помахал, Соня послала ему воздушный поцелуй, села в машину и уехала.

Ян устроился за столом и, тяжело вздыхая, начал делать из себя человека, переписывая неаккуратный эпикриз, но так замечтался о Соне, что забыл внести результаты анализов. Пришлось вытянуть из пачки новый листок.

– А в стране с бумагой напряженка, между прочим, – процитировал Ян любимый народом фильм, но, сообразив, что пачка принадлежит Бахтиярову, злорадно ухмыльнулся. Еще вспомнит старый хрыч о своих бесчинствах, когда пойдет по кафедре бумагу клянчить.

На сей раз Колдунов решил быть внимательнее, но Соня со своими кудрями и стройными ножками в модных коротеньких сапожках никак не шла из головы. Она нравилась ему, и, что важнее, Ян видел, что тоже ей небезразличен. Она красивая и умная девчонка, с ней весело и всегда есть о чем поговорить. Мировоззрение у них сходится, кроме того, Соня выросла в семье какого-никакого, но все же хирурга, с пеленок знает специфику работы и не будет в

случае чего закатывать мужу сцены за поздние возвращения, бесконечные дежурства и праздники, проведенные на работе. И отдельное удовольствие думать, как взбесится Сергей Васильевич, когда узнает, что в зятя ему светит наглое и безродное хамло. Да, хочется, очень хочется поухаживать за Соней, но тут надо бить наверняка. Он, как сапер, не имеет права на ошибку. Если они с Соней начнут встречаться, а потом поймут, что не хотят быть вместе всю жизнь, то Бахтияров не станет разбираться, кто прав, кто виноват, а просто-напросто костыми ляжет, но добьется изгнания Колдунова с кафедры на остров Врангеля или еще куда подальше.

А тут еще эта дурацкая история с «дядей Вале́й», про которую Ян уже почти забыл...

Чем старше и опытнее становится врач, тем сильнее ему нравится спать по ночам в своей кровати, поэтому на молодого доктора Колдунова дежурства сыпались как из рога изобилия. Он не возражал, понимая, что настоящее мастерство приобретается только так.

Однажды ему, как обычно, передали больных под наблюдение и мимоходом попросили «глянуть» мужичка из отдельной палаты. Поклялись, что там точно, железобетонно ничего экстренного нет, госпитализировали накануне с подозрением на острую кишечную непроходимость, но положительная динамика отчетливая, рвоты не было, а стул, наоборот, был, рентгенологически барий прошел, так что показаний к операции абсолютно нет, видно, товарищ просто съел что-нибудь, но, если Колдунов на обходе к нему зайдет, будет хорошо, потому что пациент – большая шишка.

Ян зашел, действительно не обнаружил у большой шишки никаких угрожающих симптомов и, наверное, выкинул бы этого пациента из головы, но дежурство выдалось на редкость спокойное, поэтому он заварил себе чайку из пакетика и стал думать, откуда у здорового полковника ВДВ без всякого анамнеза вдруг возникло вздутие живота, имитировавшее кишечную непроходимость, тем более, что пациент категорически отрицал любые алкогольно-питательные излишества. Ян все пил и пил чай, а из приемника его все никто не дергал и не дергал, так что он на всякий случай даже проверил, работает ли местный телефон. В общем, небывалое затишье продолжалось, и Колдунов наконец додумался до того, что причиной вздутия живота среди прочего может явиться и патология забрюшинного пространства. Гематома? Опухоль? Камень застрял в мочеточнике? «Смысл гадать, если можно посмотреть», – рассудил Ян и

спустился в рентгеновский кабинет, откуда выскочил если не как Архимед из ванной, но в близком к этому состоянии.

На обзорном снимке брюшной полости полковника на заднем плане виднелся разбитый в хлам первый поясничный позвонок, который никто не заметил, ибо внимание врачей было сосредоточено на кишках.

Стало ясно, что после жесткого приземления крепкие мышцы спины десантника сработали как корсет и сгладили обычную для перелома симптоматику, но обусловленная травмой забрюшинная гематома вызвала парез кишечника.

Ликуя, Ян помчался к дежурному травматологу, который тут же забрал полковника к себе в отделение и назначил лечение. Формально Колдунов ничего не нарушил, поскольку действовал в пределах своих полномочий и в интересах больного, но в смысле цеховой солидарности он оказался не совсем безупречен. Он ведь имел дело не с простым ханыгой, а с высокопоставленным и заслуженным военным, протеже и личным другом Бахтиярова, поэтому должен был сидеть тихо и только утром шепотом доложить о своих открытиях Сергею Васильевичу на ушко. В крайнем случае, если уж совсем ему не терпелось, следовало позвонить профессору домой.

Ян понимал, что в своем рвении оказался не совсем прав, но, с другой стороны, и извиняться перед Бахтияровым представлялось чем-то неловким. Простите, что выставил вас дураком перед вашим другом, от которого, может быть, зависит ваше продвижение по карьерной лестнице, так, что ли?

Глупо, ведь жизнь есть жизнь, никто не застрахован от ошибок, сегодня ты заметил чужую, а завтра кто-то исправит твою. Рабочие моменты, если за каждый извиняться, то на дело времени не хватит.

Колдунов предпочел сделать вид, будто ничего не было, Сергей Васильевич вроде бы тоже, а теперь выясняется, что нет.

...Дописав злополучный эпикриз буква к буквке, без единой помарки, Ян сложил «истории» аккуратной стопкой и спустился в приемник. Там ничего интересного не наблюдалось, к тому же смотровые буквально кишели курсантами, и Ян понял, что сегодня ему не дадут ни оперировать, ни выспаться, ребята займут все горизонтальные поверхности вплоть до каталок и

перевязочных столов.

Он поехал домой, ожидая найти там как минимум филиал Валгаллы, но квартира встретила его уютной темной тишиной, когда не слышно, а скорее угадывается теплое сонное дыхание, тикает будильник, к которому ты так привык, что не замечаешь, просто знаешь, что все в твоём доме спокойно и хорошо.

Ян тихо разделся, прошел в ванную, положил мочалку на дно раковины, слегка открыл кран так, чтобы вода лилась на мочалку и никого не будила, умылся и почистил зубы.

В темноте прокрался в комнату, аккуратно обогнув бесконечные Димкины ноги, свисающие со слишком короткого для него дивана. Ян не любил зря будить людей.

- Я не сплю, - прошептал Вася со своей койки, - включай свет, если хочешь.

В свете бра Ян увидел, что Вася лежит, закинув руки за голову, и смотрит в потолок, как князь Андрей в небо Аустерлица.

- Ну что, предатель, - Ян попытался нахмуриться, но не смог, - променял?

- Променял.

Вася немного полежал, улыбаясь, а потом сказал, что девушку зовут Дина, она учится в Санитарно-гигиеническом институте, и подрабатывает в академии медсестрой, хотя Ян ни о чем его не спрашивал.

- Прикинь, судьба? В одной конторе крутимся, а встретились только сейчас, и то случайно. Такая девчонка...

На всякий случай Ян сказал, да, девчонка что надо, вытянулся на своей узкой койке, подмигнул Брюсу Ли, сурово взирающему на него с плаката над Васиной кроватью, и выключил свет.

- Все-таки странная вещь - судьба, - веско произнес Вася в темноте.

– И не говори, – буркнул Ян и натянул одеяло на голову.

Он в судьбу не верил, хоть побывал на войне, да и в мирной жизни видал всякое, но ему никак не хотелось думать, что бытие его определяется какими-то высшими силами, которые нельзя ни увидеть, ни понять, ни договориться с ними.

Вот Вася лежит с такой одухотворенной физиономией, что чуть не светится во мраке, и думает, что господь бог специально заморочился, чтобы столкнуть их с этой Диной на улице Салтыкова-Щедрина, для чего небесному воинству пришлось выдернуть из дому батю Зейды и девушку тоже каким-то образом загнать на место встречи, в общем, выстроить адски сложную комбинацию, хотя будь Ян на месте бога, то просто вложил бы в голову Васе чуть больше мозгов, тогда он не прогуливал бы занятия и увидел Дину в их же клинике гораздо раньше.

Любовь с первого взгляда, какая глупость, просто Вася так хотел познакомиться с девушкой, что не дотерпел до Дома офицеров.

В этом мире все имеет разумное объяснение, и великая любовь, и так называемая легкая рука и чутье, и чудесные способности, которые у него признают и которым завидуют, а ведь чуда никакого-то и нет. Легкая рука – это всего лишь небольшие секретники мастерства, которыми старшие товарищи не пожалели поделиться с Яном в самом начале его работы. Как чувствовать ткани, не давить, не мять – все это лежит во вполне материальной плоскости и доступно каждому, если не лениться и быть внимательным. Так же и чутье. Очень сомнительно, что какой-то ангел ходит за тобой и дергает за рукав халата: а ну-ка, Ян, приглядишься к этому пациенту. Нет, дело обстоит почти наверняка не так, чутье приходит с опытом. Это как вязать узлы. Сначала ты мучительно думаешь, куда провести одну нить, куда другую, а через несколько дней переходишь в автоматический режим, так что, когда младшие товарищи просят показать правильную технику, требуется уже усилие, чтобы извлечь из подсознания правильную последовательность действий. Или как учишься читать – сначала буква за буквой, и кажется, что нет труднее дела, чем складывать из них слова, но проходит год, и вот ты уже выхватываешь глазами целые предложения. Опыт оседает в подсознании, вот тебе и чутье. И никакой божественной благодати... Ровно так и с любовью. Когда у людей общие интересы, схожие ценности, когда оба человека умеют владеть собой и заботиться друг о друге, то и любовь у них с годами растет, а не угасает.

Вспышки безумной страсти – это для неуравновешенных людей, которые сами не знают, чего хотят... Ян улыбнулся, вспомнив, как папа, невропатолог, в двух словах объяснил ему всю суть любви. Все строго по академику Павлову, согласно учению которого рефлексорная дуга состоит из трех звеньев: анализаторного, контактного и исполнительного. Так вот любовь – это когда ты в своем контактном, или, иначе говоря, центральном звене умеешь подавить входящий импульс, не ответить ударом на удар, не побежать сломя голову за чужой самкой.

Ян Колдунов считал, что Соня, например, нравится ему не потому, что его сразила стрела Амура или какое там у высших сил табельное оружие. Она просто хорошая девушка и подходит ему по всем статьям, а он, хочется верить, подходит ей, хоть и нет у него родословной от Рюрика. Плохо, конечно, но пользы свежей крови для вырождающихся аристократических семейств никто еще не отменял. Ян засмеялся, представив себя героем сказки «Принцесса и свинопас». Да, пора, пожалуй, переходить в наступление, а то, пока он думает, Соно уведет жених посмелее.

Конечно, немного смущает, что она девчонка, как говорится, упакованная, даже своя машина есть, а он хоть тоже мальчик из состоятельной таллинской семьи, но сам пока не имеет гроша за душой. Когда Ян учился на последнем курсе, считаясь перспективным и «своим», Князев немножко ввел его в курс дела, показал, как за хорошую работу можно получать от пациентов хорошие деньги, научил правильно разговаривать с ними и с их родственниками, объяснил, когда можно брать, когда нет, словом, преподал науку жизни. Яну сначала это претило, но человек ко всему привыкает, а быстрее всего к комфорту, и не бывает так, чтобы он не мог объяснить свои действия с точки зрения высшей справедливости. Он освоился, привык к левым денежкам, но вышло так, что нужный человек не замолвил за Яна нужное словечко, Князев не стал биться насмерть за своего любимца, и курсант Колдунов, предусмотрительно снабженный «тройкой» по предмету «Организация здравоохранения», чтобы не претендовал на золотую медаль, загремел в Афган. И хоть по распоряжению высокопоставленного генерала вернулся на кафедру, но «своим» больше не был. Ян не сразу догадался почему, но в итоге объяснение оказалось очень простым. Генералу этому он был никто, не сын, не брат и не дальний родственник. Человек просто оплатил добром за добро, и все, дальнейшая судьба Яна ему была не интересна. Он свой долг благодарности выполнил с лихвой. Соответственно и реакция кафедры – навязали нам героя войны, ладно, как говорится, требует – примем, а там пусть колотится, как хочет. Завалит научную работу – сам дурак.

В общем, Ян теперь находился не в том статусе, чтобы допускать его к кормушке, и, наверное, стоит поблагодарить несуществующую судьбу именно за это. У него не хватило бы силы воли отказаться от денег, а так не дают, зато совесть чистая. Но и на Князева нельзя обижаться, от неофициальных благ он Яна отлучил, зато официальную часть работы выполняет на сто процентов. Больных дает, в науке помогает, обижаться не на что.

И все-таки как жениться и жить на одну аспирантскую стипендию? У него даже нормальную комнату в коммуналке снять денег не хватит, да и если бы даже и хватило, что с того – ведь Соня не поедет жить с чужими людьми. Так что придется ему заселяться в аристократическое гнездо Бахтияровых и жить там на положении бедного родственника, а за ужином слушать занудные речи Сергея Васильевича, который будет неустанно делать из Яна человека. И слова поперек нельзя будет сказать, потому что чужой хлеб надо есть с закрытым ртом.

А на службе как вести себя, если твой тесть и научный руководитель – заклятые враги? Как лавировать между ними? Черт побери, он окажется в положении Ромео, как если бы тот не погиб, а долго и счастливо жил с Джульеттой, ежесекундно получая люлей и от тестя с тещей, и от собственной родни.

В общем, сложная тема, и, наверное, люди затем и придумали великую любовь, чтобы игнорировать такие трудности, с которыми все равно приходится жить.

Тот же Вася, который сейчас млеет от своей чудесной встречи с Диной, назовет его расчетливым циником, точнее назвал бы, если бы знал такое слово. А Ян просто старается видеть жизнь как она есть, и людей принимать такими, как есть, вот и все.

Ладно бы еще Бахтияров с Князевым просто друг друга бесили, это дело житейское, но суть в том, что сейчас решается, кто займет должность заместителя начальника академии по лечебной работе, и оба они – главные претенденты. По общему мнению, либо один станет, либо другой, шанс, что выскочит темная лошадка, ничтожен.

Оба в принципе достойные кандидаты, но в любом исходе Ян, женившись на Соне, окажется между двух огней.

Поэтому надо или срочно внушить себе, что он так любит дочку Бахтиярова, что на все остальное плевать, или оставить эту затею. И ей-богу, лучше примириться с мыслью, что он холодный и меркантильный гаденыш, чем всю жизнь потом не знать, где сесть и как повернуться.

Сделав этот вывод, Ян погрузился в крепкий сон молодости, когда у человека за душой больше надежд, чем сожалений.

* * *

Всю неделю Вася Лазарев бегал за своей дамой, возвращаясь домой самым последним. Желтая шапка в снегу выглядела как буланый конек после изнурительной скачки, прислоненные к батарее ботинки не успевали просохнуть до утра, но в мир, где сейчас витала Васина душа, не проникала слякоть и непогода.

Наваждение нашло на бедного Василия, которого последнего из знакомых Яна можно было заподозрить в романтических порывах. Никогда раньше он не мечтал о любви, ценя в девушках веселость и доступность, а в перспективе домовитость и борщи, а вот поди ж ты...

Из любопытства Ян заглянул в клинику, где подрабатывала Дина, и только плечами пожал. Угловатая, некрасивая, со злым лицом, от чего там сходить с ума, непонятно. К тому же она в свои двадцать лет успела уже развестись, что не прибавляло ей очарования. Доктора, правда, очень ее хвалили, считали невероятно умной и ответственной, а туповатому Васе, может, как раз необходима мудрая спутница жизни. Ладно, что там стесняться, не туповатому, а просто нереалистичному дураку. Ян с Димой Лившицем до кровавого пота объясняют ему азы медицинской науки, а Васька, что называется, слушает, да ест. Димка так прямо и заявил однажды: «Лазарев, ты такой тупой, что точно станешь начальником академии». И, зная нынешнего начальника, Ян, ей-богу, не стал бы сбрасывать со счетов этот вариант.

Когда все оказывались дома, Николай Иванович, отец Вити Зейды, перекинув через ремень брюк посудное полотенце, обстоятельно накрывал на стол. Тут было и нежнейшее сало с тонкими розовыми прожилками, и рассыпчатая картошечка, от которой пахло домом и детством, и никогда после Ян не едал такой картошки, как варил Николай Иванович. Присутствовала и обязательная

тарелочка с солеными огурцами, истекающими золотистой слезой, и крохотные белые грибочки, а к чаю густой тягучий мед. Ян немного стеснялся и переживал за старшего Зейду, что он тут кормит посторонних оборотов, когда родной сын чахнет на чужих черствых хлебах, но Николай Иванович так просто говорил «ешь, шо бачишь», что отказаться было невозможно.

Отец Вити приехал всего на неделю, и Ян с неудовольствием понял, что будет скучать по нему, а точнее по атмосфере семейного уюта и спокойствия, которую Николай Иванович умел создать. Да, материя первична, всякие биополя и ауры – это чушь зеленая, но они с Васей и Димкой и без Зейдиного бати ели огурцы с картошкой, а такого умиротворения Ян не чувствовал с тех пор, как в семнадцать лет уехал из отчего дома поступать учиться.

Николай Иванович и родители Яны целыми днями бегали по городу, трясли старыми связями, чтобы пробить молодой семье кооперативную квартиру, но пока безуспешно, везде им отказывали, тем не менее Ян ни разу не видел отца Зейды в плохом настроении. «Шо поробишь...» – вздыхал он, вернувшись с очередным отказом, надевал фартук с ромашками, неизвестно как затесавшийся в их холостяцкое хозяйство, и, напевая, принимался готовить ужин.

Лишь в последний вечер, когда Витя приехал переночевать, чтобы утром проводить отца на вокзал, Николай Иванович достал бутылочку своего знаменитого самогона. Тут уж было невозможно отказаться, да и не хотелось.

После первой рюмки Николай Иванович вдруг загрустил:

– Смотрю я на вас, хлопцы, и думаю, такие вы молодые, совсем дети, а столько вам испытать пришлось...

– Да какой там, Николай Иванович, – отмахнулся Вася.

– Ты давай не скромничай! Ты вон тонул, Ян воевал, Витька мой с радиацией сражался, даже Яночка, дивчинка, и та в бою побывала. Только в жизнь вошли, а уже как солоно хлебнули.

– Ну теперь-то что говорить, – сказал Вася смущенно, – все позади.

Николай Иванович разлил по новой и покачал головой:

– Оно так, но вот Ян не даст соврать, раны нагнаиваются не сразу.

– Не сразу.

– И заживают не в один день. Только, кажется, все наладилось, живи да радуйся, а прошлое как нахлынет, как придушит... Вы, хлопчики, берегите себя, а главное, держитесь друг друга, потому что самому трудно бывает справляться, а иногда и вовсе никак.

Этим вечером Ян прилично подпил, но продолжал думать над словами Николая Ивановича. В сущности, ничего нового с точки зрения физиологии сказано не было, после мобилизации всех ресурсов организма неизбежно наступает реакция, вплоть до истощения. Сын, кстати, мог бы подтвердить слова отца с научной точки зрения, ведь комбат-стресс, или, как его иногда поэтично называют, «сердце старого сержанта», как раз является предметом интереса военной психиатрии.

Интересно, присутствует ли этот комбат-стресс у него самого, и если да, то как проявляется? Вот Витин папа переживает за них, да и вообще все говорят, что боевой опыт меняет человека, а он ничего подобного не чувствует. Каким помнит себя с детства, такой и есть. Да, не идеал, да, черствый, но что поделать, таким уж уродился. И это не командировка в Афган и не медицинское образование сделали из него циника, нет, он таким уродился, поэтому и поступил в Военно-медицинскую академию, а не в какой-нибудь Литературный институт. Может быть, на какие-то вещи он смотрел в юности иначе, может, трепетало сердце, но скорее всего нет. Так что напрасно Николай Иванович кручинится о нем, все в порядке. За последний год пришлось пережить несколько трудных, даже критических минут, но они именно пережиты, так что прошлое прошло и теперь над ним не властно. Или нет? Или Ян все-таки потерял что-то важное и его душевное спокойствие сродни фантомной боли?

Ясно одно, чем больше об этом размышлять, тем быстрее свихнешься. Так можно додуматься, что Вася не просто так влюбился в девушку страшнее атомной войны, а именно из-за пережитого комбат-стресса. В одном только Николай Иванович прав – вместе легче.

Глава вторая

Забежав в рентгеновский кабинет, чтобы договориться о фистулографии, Ян столкнулся с Соней. В кокетливом белом халатике она сидела перед негатоскопом и описывала снимки.

- Привет! Ты теперь у нас будешь? – выпалил он.

- Временно, пока Михаил Семенович в отпуске.

- Это хорошо, – сказал Ян вежливо, хотя понятия не имел, хорошо ли это.

Михаил Семенович был опытный и ответственный доктор, а Соню Колдунов покамест знал только как красивую девушку и профессорскую дочку.

Она неопределенно пожала плечами и, щурясь, приблизила лицо почти вплотную к матово мерцающему стеклу.

- А можно рентгеноскопию с контрастом сделать? – робко поинтересовался Ян, вышколенный рентгенологами, которые дали понять, что это почти невыполнимая задача. То у врача нет времени, то аппарата, то кабинета, и только из глубокого уважения к Колдунову, так и быть, найдем окошечко в двадцать пять секунд послезавтра, а лучше через неделю.

Соня улыбнулась:

- Конечно, тащи. Контраст у тебя свой?

Ян энергично кивнул, еще не веря своему счастью.

- Ну давай, жду. У тебя один пациент?

- Вроде бы да...

– Смотри, если что, давай сразу всех, а то потом начнется в час по чайной ложке...

– Ты меня так разбалуешь.

Соня пожала плечами:

– При чем тут ты? Просто лучше сразу сделать и забыть.

– И то правда.

Фистулография получилась отлично, Ян составил себе четкое представление о топографии свищевого хода и в качестве приятного дополнения получил неплохие снимки. Обычно на этом аппарате получались абстрактные картинки, смутные тени, а Соня сделала такое качество, что не стыдно и профессору показать.

– Ты нас точно разбалуешь, – сказал Ян, с удовольствием разглядывая снимки на негатоскопе.

Неопределенно улыбнувшись уголком рта, мол, я тебя поняла, а ты понимай, как хочешь, Соня открыла ящик письменного стола и достала начатую шоколадку:

– Будешь? Вам, наверное, благодарные пациенты такое не носят.

– Такое – нет, – гордо приосанившись, Колдунов отломил маленький квадратик.

Соня снова заглянула в ящик:

– Ой, кстати, Ян, ты в филармонию не хочешь?

– Да, честно говоря, особо нет...

– Ладно, а то у меня тут билеты завалялись на органный вечер. Ну раз не хочешь, сплавлю кому-нибудь другому.

Ян помедлил. В низкое, над самой землей окно нехотя заглядывал темный декабрьский денек, теряясь в зарослях кактусов и других тропических растений, которые росли буйно и пышно, как всегда в рентгеновских кабинетах. В этом неверном свете Соня казалась особенно красивой, смотрела ласково, и Ян подумал, как хорошо и слаженно им сейчас работалось вместе. И любви, такой, чтоб сердце расколосось, конечно, не бывает, но, черт подери, нельзя допускать и того, чтобы твои лучшие порывы души вязли во всяких страхах перед папой-профессором и прочих житейских обстоятельствах.

Он заглянул Соне в глаза:

- На органный вечер? Что ж ты сразу не сказала, это моя любимая музыка.

- Так пойдешь?

- Естественно.

- Тогда давай завтра в половину седьмого у памятника Пушкину. Насчет денег не переживай, билеты шли в нагрузку к «Спящей красавице», а на нее я уже сходила.

- А я вот ни разу не был, - вздохнул Ян, некстати вспомнив, как в третьем классе ездил с мамой на зимние каникулы в Ленинград, и мама с невероятным трудом достала билеты на этот балет, и он мечтал о походе в Кировский театр, как о сказочном путешествии, а в день спектакля проснулся с распухшим горлом и температурой сорок и, естественно, никуда не пошел. Очень возможно, что в той лихорадке как раз и сгорела вся его вера в чудеса...

- Еще сходишь, какие твои годы, - улыбнулась Соня.

Ян на всякий случай повторил время и место встречи и побежал показывать снимки Князеву.

Плохо собираться в учреждение культуры, когда ты такой себе красивый и пропорциональный мужчина, вылитый Аполлон, а друзья у тебя гигант, метр с кепкой и глиста в обмороке. Совершенно не у кого попросить приличный для храма искусства наряд. В форме Яну идти очень не хотелось, но другого выхода

не было, из гражданской одежды он располагал только джинсами, парочкой лыжных свитеров, джемпером, ковбойками и фрачной рубашкой, которую ему пару лет назад подарила девушка, о которой Ян старался лишней раз не вспоминать, слишком она была хорошая.

Редкий случай, он ушел с работы вовремя и, пользуясь тем, что дома никого, быстро принял душ, разложил в общей комнате гладильную доску и тщательно отпарил парадную форму. Начистил ботинки до зеркального блеска и остался, в общем, собой доволен. Пусть Соня сразу видит, кто он есть.

Денег у Яна оставалось негусто, он и так жил от стипендии до стипендии, а тут еще одолжил пятерку Васе, который ухаживал за своей Диной с поистине гусарским размахом. Пересчитав наличность, Ян решил, что сегодня на цветы и буфет хватит, а там как пойдет. Материя первична, никто не спорит, но по законам диалектики деньги, как самое материальное из материального, обладают одним почти мистическим свойством – появляться, когда их нет совсем и они отчаянно нужны.

Если живешь размеренно, считая каждую копеечку, то денег как не было, так и нет, но когда попадаешь в полный финансовый штопор, то стоит сварить последнюю горсточку макарон, как или благодарный пациент сунет тебе в карман десятичку, или товарищ вернет долг, о котором ты думать забыл, или приглашают на левую подработку, словом, ангел-хранитель, которого, естественно, не существует, все же не дает пропасть с концами.

Решив не мелочиться, Ян заглянул в цветочный магазин и купил три чайные розы довольно бодрого вида. Это должно сразу показать Соне, что он солидный мужчина с серьезными намерениями, а не сельский хлыщ и выскочка, как наверняка охарактеризовал его Бахтияров, узнав, с кем дочка собирается на концерт.

Ночь, темная и блестящая, как слюда, уже спустилась на площадь Искусств. В свете фонарей искрились снежные эполеты на плечах Пушкина, белели, как ребра, колонны Русского музея, а сквер и лавочки терялись в темноте, а вместе с ними и влюбленные пары. Ян перехватил свой букет и приготовился ждать, но Соня пришла без опоздания.

...Она была очень красивая в вишневом струящемся платье, легкая, как тень, загадочная и чужая, Яну даже не хотелось говорить с ней о работе. Он вдруг понял, что совсем отвык от культуры, мир театров и музеев, в который его ввели родители в детстве, сделался ему чужд, не то чтобы неприятен, просто Ян перестал ощущать себя его частью. Все эти люстры, колонны, сводчатые залы, мрамор стали казаться ему осколком прошлого, глупой декорацией и фальшивкой, которой люди в страхе заслоняются от неумолимого хода времени. От этой мысли стало горько, и Соня, наверное, тоже почувствовала что-то в этом роде, потому что молчала до самого начала концерта.

Ян не особенно любил классическую музыку и готовился скучать и думать о своем, благо натренировался в этом деле на дурацких, но обязательных лекциях по философии.

Он сочувственно подмигнул своей соседке, пухлощеклой девочке, застывшей под ястребиным взглядом пожилой дамы в броне из самоцветов, очевидно, бабушки. Ребенок хихикнул, а бабка так сурово зыркнула на Яна, что он уставился на сцену, приняв самый одухотворенный вид, на который только был способен.

Концерт начался.

Колдунов прослушал даму-конферансье, и программку тоже почему-то забыл купить, поэтому не понял, какое произведение исполняется. Хотел тихонечко спросить у Сони, склонился к ней, почувствовал щекой легкие завитки ее волос, и раздумал.

Соня положила руку на его запястье. Ладонь была сухая и теплая, и Ян прикрыл глаза.

Он сам не заметил, как строгая и торжественная музыка овладела им. Нравилась она или нет, дело было не в этом. Просто он вдруг понял, что кроме того простого и правильного мира, в котором он живет, есть что-то еще, что-то прекрасное и мучительное, и которое наверняка так и останется ему недоступным. Душа рвалась куда-то, как цепной пес или птица с подрезанными крыльями, и от этого становилось грустно, тоскливо, но и одновременно странным образом хорошо.

Ян почти забыл, где он, не думал, что в его руке лежит Сониная рука, весь отдался своему странному переживанию, и казалось, еще чуть-чуть, и он все поймет, но тут музыка стихла, раздались аплодисменты, и он очнулся.

В антракте он убедил себя, что все это лишь результат воздействия волн определенной частоты на слуховые рецепторы, и нечего тут фантазировать и воодушевляться, угостил Соню пижонским кофейком из крошечной чашки и все второе отделение действительно скучал, прикидывая, как дотянет до стипендии и что делать, если Соня захочет пойти куда-нибудь еще.

На улице потеплело, и снова шел мягкий уютный снег, оставляя белую бахрому на ветках, проводах и карнизах. Ян шагнул к метро, но Соня повернула совсем в другую сторону, к своему автомобилю, стоящему напротив Театра имени Комиссаржевской.

– Вот ты меня и проводил, – улыбнулась она, открывая дверцу.

– А можно я тебя доведу все-таки до дома?

Соня пожала плечами:

– Садись.

Ян устроился на переднем сиденье.

Соня расстегнула шубку, подобрала подол, причем Ян с интересом посмотрел на узкую коленку, внимательно глянула в зеркало заднего вида, оценивая то ли дорожную обстановку, то ли себя, и тронулась с места.

– А тебя это не коробит? – спросила Соня, повернув на Невский.

– Что это?

– Баба за рулем.

Ян засмеялся:

- Какая же ты баба.

- Ну девушка.

- Нет, мне нравится, что ты меня везешь.

- Хорошо.

Розы лежали на заднем сиденье и ничем не пахли, только шуршали целлофановой оберткой, когда Соня резко тормозила.

- Знаешь, Ян, не обращай внимания на то, что говорит папа, - мягко заметила Соня.

- Здравствуйте! Он вообще-то профессор, и я обязан его слушать.

- Я имею в виду, что он говорит про тебя. Открою секрет, он у меня ругает только тех, кто ему нравится.

- Интересный подход.

Не отводя глаз от дороги, Соня улыбнулась:

- Хвалит он тех, в ком не видит перспективы. Что с них взять, люди конченные, похвалой уже не испортить, а кто может стать великим человеком, тех надо постоянно ругать, чтобы росли над собой.

- Ладно, я понял. Буду воспринимать, как комплимент.

- Вот и правильно.

Ян нахмурился, припоминая студенческие годы. Бахтияров не вел занятий и не принимал экзамены у его группы, но, кажется, был одним из тех преподавателей, которые с пафосом декламируют «бог знает на отлично, я знаю на хорошо, а вы знаете в лучшем случае на удовлетворительно». И плевать, что система разработана именно для оценки курсантских знаний, а не

преподавательских и божественных.

– Суровый он у тебя.

– Что есть, то есть, – фыркнула Соня, – папа твердо усвоил основополагающий принцип советской педагогики, воспитание через унижение.

Ян пожал плечами. Он неплохо был знаком с этой методикой, четкой, эффективной и, главное, не требующей особых затрат от учителя. Достаточно сказать, что ученик дурак, и тот из кожи вон вылезет, доказывая обратное. Столкнуть в яму, и пока человек из нее вылезает, как раз и научится. Технология распространенная, но самому Яну, которому теперь доверяли обучать молодых курсантов самым азам хирургического мастерства, больше нравился другой метод. Сразу дать понять ученику, что он молодец и всего добьется, если будет заниматься. Даже Васю Лазарева, природная тупость которого действовала на мозг Яна, как лом, воткнутый в часовой механизм, он ни разу не обозвал придурком, а просто дышал поглубже и подбирал слова попроще.

– Короче, ты его не бойся, – улыбнулась Соня, и Ян наконец сообразил, к чему она ведет.

– Хорошо, не буду, – сказал он, легонько проводя ладонью по ее коленке.

– Вот и приехали, – Соня заглушила мотор и повернулась к нему, – пора выходить, если ты не хочешь, чтобы я подвезла тебя до дома.

– Только если потом ты снова позволишь мне себя проводить, – Ян потянулся к ней и провел рукой чуть выше по бедру.

Они поцеловались. Губы Сони были чуть-чуть обветренные, а щека упругая и холодная, так что хотелось на нее подышать.

– Фи, как пошло, в машине, – сказала Соня, отстраняясь.

– Извини.

– Нет, мне приятно. Просто папа может выглянуть в окно.

- Он не увидит, - Ян снова потянулся к ней.

- Он-то? Увидит! - Соня засмеялась.

Они все-таки поцеловались еще раз. Все мешало - одежда, ремень безопасности, который Ян почему-то не отстегнул, ручка переключения скоростей, и от этого было только лучше.

- Ну все, все, - сказала Соня.

Ян вышел из машины первым, обогнул капот и открыл дверь перед своей дамой. Соня вышла, опираясь на его руку, элегантная, как кинозвезда. Она забыла про розы, а Яну показалось неудобным напомнить, он промолчал и только возле парадной снова попытался обнять ее.

- Ну, Ян, это уже вообще полный колхоз, в парадняке целоваться, - Соня отстранилась и погрозила ему пальцем.

Ян изобразил галантный поклон и побежал к метро.

Пока спускался по эскалатору, был под впечатлением свидания, но стоило сесть в пустой по позднему времени вагон, как в голову полезли противные и пошлые, как поцелуи у парадной, мысли.

Вспомнилось, что Соня первая его пригласила и в максимально деликатной форме дала понять, что папа не против. А с чего бы вдруг он не против? Яну не прислали грамоту из дворянского собрания, подтверждающую его право на титул, начальник академии тоже вроде бы не звонил, не хлопотал за перспективного аспиранта, и великого открытия, достойного Нобелевской премии, молодой ученый Колдунов пока не сделал. Но вот, поди ж ты, вчера Ян был грязь из-под ногтей, а сегодня, пожалуйста, ухаживай за Соней. Странная история...

Ян тряхнул головой, злясь на себя. Так хорошо провел время с девушкой, а лезет в голову всякая пакость!

* * *

Ян скучал по Николаю Ивановичу, а точнее по теплоте и уюту, которые тот умел вокруг себя создать, но, ничего не попишешь, отец Зейды вернулся домой, и в квартире снова воцарился молодецкий дух казармы.

Холодильник встретил освежающей пустотой, зато в ванной Димка Лившиц стирал форму, яростно жамкая в тазике зеленые ситцевые штаны и распространяя острый запах формалина.

«Ну хоть аппетит отобьет, и на том спасибо», – вздохнул Ян и пошел к себе.

Он думал, что Вася еще болтается где-то под окнами своей возлюбленной, но нашел его в кровати, смиренно лежащим под недреманным оком Брюса Ли с затрепанным толстым журналом в руках.

Ян моргнул, но нет, глаза его не обманывали. Вася читал, и читал художественную литературу.

– «Мастер и Маргарита»? – спросил Ян, присмотревшись к журнальной обложке.

Вася гордо кивнул и заметил, что это гениальное произведение, ознакомиться с которым обязан каждый мыслящий человек.

Ян молча лег поверх одеяла. Странная все-таки штука любовь... По собственному признанию Василя, он, прочтя в четвертом классе роман Вальтера Скотта «Айвенго», полностью удовлетворил свои культурные потребности и больше никогда не возвращался к этому вопросу. Димка, страстный книголюб, пытался приохотить его хотя бы к Конан Дойлу, но Вася не поддавался, а теперь пожалуйста...

Перелистнув страницу, Вася тяжело вздохнул.

– Нравится? – спросил Ян.

– Как по мне, так муть голубая.

- Ну так и брось.

- А Динке что скажу?

- Что это гениальное произведение и далее по тексту. Глаза закатишь и порядок.

- Врать нехорошо.

Ян улыбнулся:

- Смотри сам.

Вася приподнялся на локте и хищно посмотрел на Яна:

- А ты помнишь, в чем там суть?

- Помню, но там не в сути дело, главное - трактовка.

- В смысле?

- Скрытый смысл романа, идеи, то-се...

- Засада, - Вася поморщился, - ладно, попробую, как ты советуешь.

- Добавь еще, что «Мастер и Маргарита» - это библия интеллигентного человека, а лучше найди себе нормальную девчонку.

Вася нахмурился, захлопнул журнал и положил на узкий подоконник.

- Seriously, Вася, а то так всю жизнь и будешь доказывать, что ты не верблюд.

- Значит, буду. Судьба такая.

- Прямо-таки.

Мечтательно глядя в потолок, Вася улыбнулся:

- А вот представь себе, судьба. Ты просто не знаешь...

- Куда мне, - буркнул Ян, поднимаясь.

В ванной все еще плескался Дима, но голод заглушал патолого-анатомическую вонь от его одежд. Пошарив в кухне, Ян нашел засохшую горбушку батона и почти пустую банку с медом от Николая Ивановича, решил, что для ужина сойдет, и поставил чайник. Заодно замочил на утро геркулес, отметив, что в шкафчике почти ничего не осталось - ни макарон, ни гречки, ни даже риса, который обычно расходовался плохо, потому что все трое терпеть его не могли и варить толком не умели. А до стипендии еще десять дней ждать... Нет, конечно, брать деньги с пациентов очень позорно, но Князев мог бы хоть разок поделиться со своим верным ассистентом. Очень бы выручил, но нет.

Ян вылил себе в чашку остатки Васиной заварки, энергично поскреб ложкой по стеклу, выбирая последние молекулы меда, размочил сухарь в кипятке и решил, что ужин царский по нынешним временам.

В кухню вошел Вася, разминая в пальцах сигарету. Ян нахмурился было, вспомнив об этой статье расходов, но тут же просиял, сообразив, что специально заначил целый блок именно для таких серьезных ситуаций.

- Я человек военный, если надо, буду читать, - Вася затянулся сурово и решительно, - а там, может, и до смысла докопаюсь.

- Почитай для начала гистологию.

- Куда я денусь, - вздохнул Вася и открыл форточку. С улицы пахло сыростью и бензином.

Ян опустил в чай новый кусок булки и сказал, чтобы Вася готовился к сессии и не поддавался на провокации всяких духовных дур, которые сами ни черта не понимают, просто хотят ослепить нормальных парней своим интеллектуальным богатством.

- Не говори о ней плохо, - сказал Вася, и Ян заткнулся.

- Слушай, Ян, а хочешь, расскажу, как я в академию поступил? - вдруг спросил Вася.

- Давай.

- Короче, прошел я отборочный этап, получил направление. Надо лететь в Ленинград на экзамены, а билетов нет, не достать ни за деньги, ни за как. Сам понимаешь, лето во Владике, все хотят на запад. Мы с еще одним прапором подергались туда-сюда, но, чувствуем, все, не вылетаем в Питер, а пролетаем мимо высшего образования.

- Но вам же должны были командировочные выписать.

- Так выписали, но билетов тупо нет, а в академии никого не волнует, смог ты вылететь, не смог, не прибыл вовремя на экзамены, все, до свидания. Точнее, прощайте.

- Да, несправедливо. Вы же не виноваты...

- Ну а то! Но разбираться никто не будет, и жизнь, кстати, вообще несправедливая штука, если ты не в курсе. Короче, мы уже отчаялись, и вдруг меня как подбросило. Говорю своему товарищу: поехали в аэропорт. Мало ли там, бронь соскочит или что. Уже так, без особой надежды, но, думаю, все равно лучше, чем на койке киснуть. Приезжаем, брони никакой, естественно, не освободилось, мы потыкались в кассу, все глухо. Делать нечего, собираемся домой, и вдруг я встречаю парня, который у меня в части срочную служил. Он куда-то летел отдыхать. Ну слово за слово, оказалось, у него мама старший билетный кассир в «Аэрофлоте». Он ей звонить - трубку не берет, а у него уже посадку объявляют. Тогда он на пачке «Примы» пишет: «Мама, помоги этим ребятам вылететь в Ленинград». Мы с этой пачкой рванули в кассы и тем же вечером были уже в Москве, ну а оттуда уже без проблем добрались.

Ян улыбнулся:

- Хорошая история.

– Видишь? Это судьба. На волоске буквально все висело, а она раз – и в последний момент сказала: нет, Вася, будешь учиться! Зря ты не веришь.

Пожав плечами, Ян сполоснул чашку и смел крошки со стола. Может быть, зря, а может быть, и нет. В жизни действительно бывают счастливые случайности и удивительные совпадения, и он сам несколько раз чудом избежал смерти, так что ж теперь? Считать, что это бог его уберег для каких-то важных дел? Отчего тогда Пушкина не уберег, если такой предусмотрительный?

Нет никакой судьбы и предназначения, просто жизнь многогранна, хаотична и происходит в ней всякое, и иногда обстоятельства оказываются сильнее нас, а иногда мы сильнее обстоятельств, вот и все.

Ян покосился на Васю. Тот, задумавшись, смотрел в окно, позабытая сигарета тлела в пальцах, оставляя за угольком длинный столбик пепла.

Нет судьбы, и любви с первого взгляда не существует, но вот встретил же Вася свою девушку, и влюблен как черт. И можно хоть до посинения талдычить, что в природе не существует божественного провидения и высших сил, он не поверит. Слушать даже не станет.

Тоже в принципе понятное дело, ибо чего в природе точно не существует, так это четких границ. Всегда имеются какие-то промежуточные формы, которые никуда не пристегнешь. Между мужским и женским полом есть гермафродиты, даже между жизнью и смертью не резкая черта, а целое поле, на котором располагаются комы, вегетативные состояния и клиническая смерть. Так же и между материей и всякой фигней существует, верно, какая-то не поддающаяся анализу размытость. Какие-то свидетельства того, чего нет и быть не может, говоря по-простому, чудеса.

Ян вздохнул. Хорошо быть таким волшебным и воодушевленным, как Вася, но как это сделать прожженному цинику, который уже в три года знал, что Дед Мороз – это просто дедушка, переодетый в маскарадный костюм? Который, даже когда был в шестом классе влюблен в Ленку Кирий, первую красавицу школы, прекрасно знал цену этому чувству и даже ответственные за него гормоны мог перечислить.

– Что не дано, то не дано, – вздохнул Ян и отправился в ванную, которую Димка наконец освободил.

* * *

Сегодня дежурил Князев, и Ян по традиции тоже остался, хоть сам стоял в графике через день. Они вместе приняли дежурство, посмотрели больных в приемнике, а потом Князев позвал Яна к себе пить чай – милость, которой он ни разу еще не удостоивался после возвращения в академию.

Как в прежние времена, Князев сам заварил, открыл коробочку конфет и, заговорщицки подмигнув, достал из шкафа темную пузатую бутылку с золотой надписью.

– По пять капель?

Ян кивнул, зная, что Князев человек добросовестный и на работе всегда наливает чисто символически.

– Давно хотел тебе сказать, – Князев поднял свою рюмку и чокнулся с Яном, – что ты теперь аспирант.

– Спасибо, я в курсе, – улыбнулся Колдунов.

Выпили. Коньяк оставил на губах терпкий вкус дыма и тоски.

– Ты аспирант, стало быть, в приоритете у тебя должна быть научная работа. А то знаю я вас, молодежь, занимаетесь тем, что нравится, а не чем положено. Сутками напролет торчите в клинике, когда библиотечный каталог давно плачет по вам горькими слезами.

Ян поскуцнел, ибо Князев был прав.

– Вот ты сейчас со мной тут обретаешься и вроде как при деле, верно? – засмеялся Князев. – Вроде как имеешь полное моральное право обзор литературы не писать.

- Я просто...

- Да знаю, знаю, не оправдывайся. Ты молодец, но помни, с каким трудом досталось тебе это место, и я тебе по большому секрету скажу, что начальник кафедры будет только рад, если ты не представишь к сроку готовую работу.

- Почему? - удивился Ян. - Разве ему не все равно, защищусь я или нет?

- Видишь ли, если ты станешь кандидатом наук, то мы должны будем взять тебя на кафедру преподавателем.

- А если нет?

- То и суда нет. Поедешь, куда родина прикажет.

- Ясно.

- А, между нами говоря, у начальника на эту ставку свои планы, поэтому он тебя сразу и не взял в аспирантуру, хоть я просил как за родного сына. Не веришь?

- Ну что вы, Игорь Михайлович.

- Тут бы, конечно, не грех нам с тобой еще по одной за взаимопонимание, но долг есть долг, - Князев погладил выпуклый стеклянный бок и убрал бутылку, - как-нибудь в другой раз, в свободное время, верно, Янчик?

- Как вам будет удобно.

Князев хлопнул Колдунова по плечу:

- Что ты как не родной, ей-богу! Все сделаем в лучшем виде, ты только сам работу не запускай. Хоть говорят, что кандидатская всегда лучше докторской, потому что написана доктором наук, но аспиранту тоже надо мыслить, - улыбнулся Князев неожиданно ласково, - что не просто, когда голова у тебя забита текучкой, нервы истощены многочасовыми операциями, а кроме того, ты банально не высыпаясь, дежуря через день. В таком режиме не до научных прорывов, верно?

Колдунов пожал плечами.

– Ян, – продолжил Князев, – никто не спорит, ты титан, Наполеон и Юлий Цезарь хирургического мира, можешь спать четыре часа в сутки и делать три дела одновременно, но вспомни, как закончили эти уважаемые люди. Не надо, Ян, без конца себя превозмогать. Родина подарила тебе три года для научной работы, так пользуйся. Может, еще порадуешь нас великим открытием, я в тебя верю.

– Так мне домой идти?

– Ну нет уж, – улыбнулся Князев, – на меня это правило не распространяется. Слышал про двойные стандарты? То-то же... И вообще первая задача соискателя – это ублажить своего научного руководителя, а уж потом далеко позади остальное все.

Ян понимал, что Князев прав, и клиническую работу нужно свернуть в пользу научной, а в перспективе – преподавательской. На первом году аспирантам не дают вести занятий, но помогать на лекциях – их святая обязанность, которой Колдунов до сего дня пренебрегал. Князев его не просил, обходился своей любимой лаборанткой, а Ян не напрашивался, и зря. В обзоре литературы у него конь не валялся, он даже еще не удосужился записаться в Публичную библиотеку, да и в родную академическую почти не заглядывал.

Фундаментальные знания по теме холедохолитиаза у него присутствуют, почерпнуты из лекций, классических монографий и проверены на практике, но в хорошую диссертацию надо включить последние разработки, показать, какое видение проблемы существует в мире на данный момент.

Что ж, пожалуй, стоит послушать научного руководителя и слегка придушить свой хирургический энтузиазм. Это правда – когда в клинике намахнешься, то голова потом на самом деле не варит. Вроде бы ты бодр и весел, а ничего сложнее, чем «два плюс два», на ум не идет.

Ян спустился в приемник, убедился, что все спокойно и по его душу никого нет, и вернулся в ординаторскую. Там было пусто, и Ян решил позвонить Соне. Не то чтобы он помнил ее телефон наизусть, как полагается влюбленному, просто домашний номер Бахтиярова красовался на плане оповещения сотрудников при ЧС одним из первых.

Он уже протянул руку к трубке старенького телефона с отбитым уголком, но тут же отдернул, сообразив, что подойти может сам Сергей Васильевич, который неминуемо опознает голос разгильдяя-аспиранта.

И что тогда ему сказать? Я вашу дочь того... люблю? Ян вздохнул, понимая, что покончить с этой двусмысленной ситуацией можно только с помощью официального предложения руки и сердца.

И, черт возьми, идея богатая...

Закрыв глаза, Ян откинулся на стуле и представил себе будущую семейную идиллию. Картинки рисовались упоительные, и даже мрачная фигура Бахтиярова на заднем плане не пугала.

Только Ян вообразил Соню с кружевным свертком на крыльце роддома, как затрезвонил телефон и вырвал его из приятных грез. Вызывали на консультацию в терапию. По правилам должен был идти Князев, но отделение располагалось в другом корпусе, а терапевты вообще славятся умением наводить панику и дергать по всякой ерунде, поэтому отправили Яна.

Он отправился без особой охоты, и действительно, вызов обернулся банальнейшим тромбофлебитом у древней старушки. Начался процесс явно не полчаса назад, и по-хорошему, следовало написать замечание лечащему врачу за невнимательность, но Ян не стал раздувать ситуацию, а просто назначил лечение.

По традиции сестры пригласили его на чай, и Ян по традиции же не отказался. Сегодня дежурили Маринка, хорошо знакомая ему развязная, но расторопная сестра, и возлюбленная Васи Дина.

Маринка, как всегда, смеялась, а Дина смотрела на него остро и мрачно.

- Передам от тебя привет Вале, - сказал Колдунов.

Дина дернула плечиком, а Ян в очередной раз удивился, насколько зла бывает любовь. Вот ничего же нет в девушке, буквально ничегошеньки! Маринка тоже некрасивая, но она хотя бы веселая и радостная и смотрит на тебя как на царя, а

тут...

- Между прочим, Вася читает «Мастера», - заметил Ян, - плачет, но читает.

- О, поверь, я не стою таких ужасных жертв, - губы Дины искривились в саркастической усмешке, и Ян не нашелся, что ответить. Он молча взял из ее рук чашку кофе, сделал глоток и удивился, как такая противная девушка сумела приготовить настолько восхитительный кофе. Ян не пил такой, пожалуй, с тех пор, когда в десятом классе шатался в своем родном Таллине по кафешкам, рассуждая о смысле жизни и устройстве бытия.

Бывает иногда, что под влиянием знакомого вкуса или запаха ты словно проваливаешься во времени на несколько секунд и будто заново переживаешь безмятежное счастье юности. И в этот краткий миг, наверное, чувствуешь себя счастливее, чем в самом деле был тогда.

Колдунов закрыл глаза и сделал еще глоток. Перед глазами мелькали узкие улицы, каменные стены, кованые вывески и флаги-флюгера, серая гладь моря... Ленка Кирий, которая так и не дала ему себя поцеловать...

Ян не сразу понял, что улыбается.

- Спасибо, девчонки, - тут же заторопился он. - Кофе просто восторг.

Дина хмыкнула, мол, обращайтесь.

- Слушай, Ян - вдруг воскликнула Маринка, - а ты знаешь, что у нас тут лежит настоящая цыганка?

- Нет, откуда?

- Ну вот представь! И она как раз жаловалась, что ее не хотят хирургу показать, типа не по профилю.

- А что там?

- Да банальная липома. Давай ты посмотришь, а она нам за это погадает.

Ян засмеялся:

- Марин, ну что за мракобесие?

- Ну пожалуйста, Янчикек! Я ее сейчас позову, ты глянешь, а мы сами попросим.

- Это неэтично.

- А мы так деликатно подъедем, типа спросим, а кто вы по национальности?

- Да уж, деликатность так и прет, - буркнул Ян, - меня вообще в последнее время не покидает ощущение, будто я живу в шестнадцатом веке. Сегодня гадаем, а завтра что? За врачебную ошибку меня не на ЛКК потащат, а сожгут на костре?

Дина вдруг засмеялась:

- Да, в скверике вместо клумбы сложат дрова и будут нас гонять на плановые аутодафе по вторникам.

- К тому все идет, - хмыкнул Ян.

От смеха Дина преобразилась, будто потрескалась скорлупа и за злой маской показалось что-то настоящее, теплое, живое, и Ян улыбнулся Дине в ответ:

- Ладно, ведите свою предсказательницу.

Цыганка оказалась красивой смуглой дамой слегка за сорок. Одета она была в простой ситцевый халат в ромашку и малиновые тапочки с золотой каймой и вела себя как обычная женщина, без всяких «эй, дорогой, позолоти ручку» и прочего. «Шишка» на спине действительно оказалась самой обыденной липомой, Ян предложил ей прийти к нему месяца через три-четыре, когда организм полностью восстановится после пневмонии, и тогда он уберет липому амбулаторно.

На этом Колдунов собрался распрощаться, но Маринка преградила ему путь и прямо попросила цыганку погадать.

Та усмехнулась:

- Погадать? А не боитесь, девочки?

- Мне уже бояться нечего, - процедила Дина, - самое страшное в моей жизни уже случилось.

«Да и в моей, наверное, тоже», - подумал Ян и тут же устыдился своего мрачного кокетства.

Цыганка улыбнулась, блеснув рядом золотых зубов, которые очень не шли ее породистому лицу:

- Ах, девочки, как вы любите страдать.

- Да не то чтобы любим, - пояснила Дина. - Жизнь заставляет.

- В вашем возрасте горе еще не горе. - Цыганка бесцеремонно взяла Яна за руку и поднесла к глазам его раскрытую ладонь. - Кости души еще гибкие, крепкие, трудно ломаются, но быстро срастаются.

- Разные случаи бывают, - зачем-то сказал Ян, досадуя, что не сумел сразу убрать руку, а теперь глупо сопротивляться.

Цыганка вдруг нахмурилась:

- А ты, доктор, хочешь, чтобы я тебе гадала?

- Нет, спасибо, я в это не верю.

- Хорошо.

Она выпустила руку Колдунова и заглянула ему в лицо, и Яну, хоть он не верил во всю эту чушь и гипнозу не поддавался, на секунду сделалось не по себе от ее темного взгляда.

Он быстро взглянул на часы:

- О, пора бежать! В общем, дама, приходите на операцию, как соберетесь, и на этом разрешите откланяться и покинуть ваш конгресс оккультистов.

Ян взялся за ручку двери, но цыганка вдруг окликнула его:

- Ты будешь счастлив после сорока.

- Что?

- После сорока будешь счастлив.

- Это вы к чему?

- Много бед тебя ждет, родной, но ты не отчаивайся, потому что после сорока лет жизнь твоя наладится и счастье придет.

* * *

Встреча с цыганкой оставила тягостное впечатление, и Ян злился на себя за то, что поддался влиянию нелепых суеверий, как старая бабка. Что значит он будет счастлив после сорока, когда он очень доволен жизнью прямо сейчас? У него любимое дело в руках, любимая девушка, без пяти минут невеста... Что еще надо человеку? Богатство? Ну так оно в молодости мало у кого есть, да и вообще хирургия такой труд, что награду несет в себе самом.

Не собирается он отчаиваться, а если уж на то пошло, то мысль о счастье после сорока лет вряд ли способна утешить. Это ему ждать целых пятнадцать лет, больше половины того, что он прожил, целую бесконечность... Тоже нашла аргумент! Естественно, после сорока он будет счастлив, потому что много ли надо для счастья старику?

И не нужно тут видеть никаких предзнаменований, прозрений и чудес, просто цыгане – неплохие психологи, иначе им не удавалось бы столько лет обманывать людей. Женщина захотела отблагодарить Яна за консультацию и, справедливо рассудив, что нет для советского человека лучшей награды, чем вера в светлое будущее, пообещала ему блаженство в отдаленной перспективе. Очень разумно. И совершенно нечего ходить с чувством, будто случилось что-то плохое.

Ян не дотерпел до стипендии, занял у Зейды трешку и сводил Соню в кафе при гостинице «Ленинград», называемое в народе «Канатником». В этот раз она была без машины, и получилось настоящее свидание, с красным вином и пошлыми поцелуями в парадной. Ян говорил всякие глупости, вроде того, что, когда они вместе, всегда идет снег, Соня смеялась, отвечала такими же ложно многозначительными фразами, и, возвращаясь домой, Ян с удивлением понял, что им каким-то чудом удалось ни разу не заговорить на профессиональные темы.

Теперь, придя на службу, он сразу после планерки и обхода спускался в рентгеновский кабинет, подходил к Соне, сидящей перед негатоскопом, и склонялся, будто бы разглядеть детали снимка, а сам быстро целовал ее и тихонько спрашивал: «Куда пойдём сегодня?»

Он был счастлив прямо сейчас и собирался оставаться таковым, что бы там ни увидела цыганка на его ладони.

Глава третья

Незаметно подкрался Новый год, а вместе с ним и дежурство, но Ян не расстроился. Он и раньше любил встречать этот праздник на работе, среди коллег, несмотря на то, что в двадцать три пятьдесят девять обязательно доставляли сложного и нестабильного пациента, так что дежурной смене приходилось отставлять уже поднятые бокалы и бежать работать.

Дежурство – отличное средство от новогодней хандры, а кроме всего прочего, автоматически решалась проблема с Соней. Они влюблены, значит, должны встречать вместе, но на практике осуществить это было бы непросто. Соня могла пригласить Яна встречать Новый год со своей семьей только в качестве

официального жениха, иначе папа Бахтияров на волне царизма вышвырнет безродного холопа из своих апартаментов. Встречать на Звездной тоже не вариант. Вася уходит в отделение терапии, к дежурящей Дине, но это не значит, что хата свободна. Наверняка там окопается пьяный Лившиц в компании лаборанток с кафедры патологической физиологии, а дальше подумать страшно, кто еще забредет на огонек. Ясно одно – Соне среди этих мутных личностей не место, да и вообще Ян стеснялся приводить ее в свое убогое обиталище.

Тридцать первого декабря хорошо работается. После быстрых и коротких застолий люди спешат к семьям, палаты стоят полупустые, потому что всех, кого можно, выписали по домам, а оставшиеся пациенты грустят, но все равно бодрятся и создают праздничную обстановку как могут.

В углу возле сестринского поста подмигивает разноцветными огоньками маленькая елочка, блестит серебристая гирлянда, и невольно охватывает радость и надежда, что все будет хорошо...

Пройдясь по отделению и убедившись, что все тихо, Ян вернулся к себе и обнаружил за столом Князева. Научный руководитель был слегка навеселе и приветствовал Яна крепким объятием.

Пришлось ответить, хотя Ян не очень любил такие физические проявления дружелюбия.

– С наступающим тебя, сынок! – сказал Князев с большим чувством и сел на место дежурного врача.

– А вы что домой не идете, Игорь Михайлович?

– Сейчас пойду. Хотя, с другой стороны, куда торопиться? Пусть жена спокойно салатики нарежет.

Ян нахмурился. Князев не был алкоголиком, но иногда не мог вовремя остановиться, буянил, и тогда единственным способом было как можно скорее напоить его до бесчувствия и уложить на диванчик в кабинете. Дай бог, чтобы сейчас оказался не такой случай.

Не спрашивая, Ян сделал Князеву кофе покрепче и послаще.

– Слышал, у тебя с дочкой Бахтиярова любовь? – вдруг спросил Игорь Михайлович.

Колдунов смутился, проклял пронизательность трудового коллектива и ничего не ответил.

– А что? Хорошая девушка, и я заметил, что ты давно к ней неровно дышишь. Ну и закрепиться на кафедре не помешает, потому что начальник тебе не слишком рад, но выдавить профессорского зятя кишка у него все-таки тонка.

– Да я не из-за этого...

– Знаю, знаю, но ведь это тоже хорошо. Так что ты давай, действуй.

– Хорошо, Игорь Михайлович, – кивнул Ян.

– И не благоговей там особо, себе цену тоже знай.

Ян снова кивнул, прикидывая с тоской, что до стадии отключки еще очень далеко, а до этого Князев ему весь мозг проест своими пьяными откровениями.

– Соне-то уже двадцать пять, – вдруг сказал Князев совершенно нормальным голосом, – а принцев крови на горизонте что-то не видно.

– Думаю, мы сами разберемся, – Ян приоткрыл форточку и подал Князеву сигареты.

Тот взял и с удовольствием затянулся.

– Чудак человек, я же ради тебя стараюсь. Бахтияров пыжится, изображает из себя небожителя, ну а ты в самом деле парень незаурядный и далеко пойдешь, если только тебе немножечко помогут.

– Спасибо, Игорь Михайлович.

Князев вдруг пригорюнился, опустил голову на грудь и тихо сказал:

– Я ведь, Ян, не знаю, что такое поддержка. Просто не знаю, и все. Я сейчас не про блат говорю, а про обычную человеческую помощь, ибо мне, дорогой мой Ян, это явление известно чисто теоретически. В школе я учился сам, в академию поступал тоже сам, а знаешь, когда я первый раз услышал «не бойся, будешь стараться и все у тебя получится?» – Князев выдержал театральную паузу и грустно усмехнулся, – только когда сам сказал это тебе. До этого я был твердо убежден, что дурак, ничего не понимаю, данных нет, руки дырявые, ничего из меня не выйдет. Я много лет работал, зная, что хуже меня никого нет и держат меня на кафедре только из великой милости. Я оперировал очень хорошо в полной уверенности, что работаю хуже всех. Я никуда не лез, не стремился, считая, что кандидатская моя ничего не стоит и дали мне защититься только из уважения к моему руководителю, а садиться за докторскую с моими мозгами бессмысленно и оскорбительно для медицинской науки. Прозрел я только в тридцать пять, когда одна наша операционная сестра попросила, чтобы именно я сделал ее отцу холецистэктомия. Прекрасно помню, как я тогда опешил, даже решил, что она меня с кем-то путает, а она говорит, нет, все верно, хочу, чтобы вы, Игорь Михайлович, у вас такая легкая рука. Я думаю, ничего себе! Это у меня-то? Испугался страшно, но сделал.

– И как? – спросил Ян.

Князев рассмеялся:

– Все прошло отлично, против моих ожиданий. Зажило как на собаке, хотя там риски были серьезные. И тут меня как озарило! Думаю, а вдруг не такой уж я и пропащий? В конце концов, никто лучше опытной операционной сестры не умеет определить мастерство хирурга, и, раз они говорят, что у меня легкая рука, значит, так оно и есть. Ну а потом присмотрелся к себе, вроде и клиницист я хоть куда, и в науке парень не последний. Пошел вперед, но все равно каждую новую ступеньку выгрызал себе зубами. Это я к чему все тебе рассказываю, Янчик, как ты думаешь?

Колдунов пожал плечами:

– Хотите еще кофе?

– Давай. Сахарку только побольше кинь. Я тут исповедуюсь перед тобой с одной только целью: чтобы ты знал, что человек не должен быть один. Как бы он ни был талантлив, а рядом должен найтись кто-то, кто подставит плечо, поможет в трудную минуту, подбодрит, когда ничего не получается, да просто скажет, что ты вовсе не так плох, как о себе думаешь.

– Спасибо, Игорь Михайлович, я всегда чувствовал вашу поддержку, – неловко сказал Ян.

– А я сейчас не про себя говорю, – Князев снова засмеялся, – в этом плане я как раз человек конченный, помогаю людям, только когда это мне ничего не стоит. Я Бахтиярова имею в виду. За родного зятя горячо любимой дочери он впряжется без вопросов, потому что моральная поддержка это очень хорошо, но и кумовства в медицине пока никто не отменял.

Ян бросил в чашку четыре кусочка рафинада, размешал, пока они не растворились полностью, и подал Игорю Михайловичу со словами, что он все понимает.

– Ну и молодец.

В три глотка выпив кофе, Князев собрался домой, оставив Яна в приятном недоумении от своей исповеди. В сущности, ничего нового он не сообщил, кроме того, что сам пробивал себе дорогу и в молодости страдал комплексом неполноценности. Колдунов-то всегда считал самоуверенность врожденным его качеством, хотя какая разница, он не психоаналитик своему научному руководителю. Главное, Игорь Михайлович говорил с ним искренне и честно обозначил расклад: за наукой и моральной поддержкой к нему, а за протекцией пожалуйста к Бахтиярову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/mariya-voronova/stanciya-zvezdnaya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)